

16.11.2000

Каган Олег

Кудьтура.-2000.-
16-22 ноября с.ч

Симфония Концертанте

Прошло десять лет после смерти одного из самых замечательных артистов нашего времени – скрипача Олега Кагана. В Большом, Малом и Рахманиновском залах Московской консерватории проходит серия концертов, ему посвященных

Кадры из памяти сердца. Олег Каган на сцене, строгий, золотоволосый, с точеным профилем, эстетически совершенный, как воплощение мечты о красоте скрипача. Чакона, последняя часть Ре-минорной партиты Баха для скрипки соло. Убеденность, личное отношение, единственное, свое, попадают в зал, как в цель. Олег с оркестром – праздничный, преобразившийся, рушащий шаблоны в Первом концерте П.И.Чайковского. Олег в ансамбле с Юрием Башметом, Эдуардом Бруннером, Элисо Вирсаладзе, Наталией Гутман, Елизаветой Леонской, Василием Лобановым, Алексеем Любимовым, Святославом Рихтером, Владимиром Скана-ви, Виктором Третьяковым, внимательный лидер, от природы наделенный безошибочным, "абсолютным" художественным слухом. Олег, загримированный под "героя любовника", страстно поет: "О приди, о приди, дорогая, я стрррррадаю" в шуточной оперетте на закрытии ежегодного фестиваля "Музыкальные собрания в Верхнем Посаде", проходившего под руководством и при участии Олега Кагана и Наталии Гутман восемь лет подряд. Летящий на велосипеде с высокого берега к реке и в свободном падении радостно приземляющийся у самой воды; мчащийся на автомобиле по сомнительному деревянному мостику через реку, прямиком, сквозь узенькие ворота из трех хлипких балок; а вот безупречно элегантный, изысканный, всепони-мающий на пороге нашей квартиры вдвоем с Рихтером ("шли мимо – заглянули"). Быстрый, азартный, порывистый – с Машей за ручку, Саша в коляске, Славик исчез в чаше, – несется он по лесным тропинкам вперед, за ним едва поспевают веселая и гордая мама – Зинаида Михайловна, счастливая Наташа; лучшие цветы, самые знатные грибы – а какой лесной малинки! – все открывается ему. Олег любивший, любимый, друг, Рыцарь без страха и упрёка.

В последний раз я видела его в Париже в 1989 году. В пронизанной осенними солнечными лучами комнате, похудевший, стройный, ставший еще красивее, он рассказывал мне о недавних концертах, заразительно смеялся и вдруг сказал: "Представляешь? Сделали все анализы, все в порядке, но они, проклятые, попали в кровь"... И он стал утешать меня. Рыцарь.

Олег умер от рака следующим летом, в 1990-м году, сорока трех лет, во время первого музыкального фестиваля в Кройте, в Баварии, который задумал проводить каждое лето (в этом году в Кройте состоялся уже Десятый фестиваль имени Олега Кагана). За день до смерти он сыграл там вместе с Юрием Башметом одно из своих самых любимых произведений – "Симфонию Концертанте" Моцарта

для скрипки, альты и камерного оркестра.

"Олег очень любил "Симфонию Концертанте" Моцарта, – рассказывает Юрий Башмет, – он мечтал сыграть эту музыку, великое произведение. Конечно, с ним надо было играть, и именно Моцарта, но он – о высоте духа говорю – о человечности, – он совершенно не давил на меня, а меня как раз это мучило. Когда я узнал, что он заболел, что речь идет о жизни человека, друга, у которого была эта мечта, меня вдруг осенило: какие тут могут быть обязательства?! Я изменил, где только мог свои программы, и в течение девяти месяцев, оставшихся Олегу, нам удалось сыграть "Симфонию Концертанте" пять раз. Из них дважды в Хельсинки. Успех был настолько "вопиющий", что нам сказали: надо повторить исполнение хоть завтра. Но "завтра" мы не могли, а через месяц нашли свободный день и повторили.

В Кройте это был последний раз. Никто не верил, что Олег сможет выйти и играть, что он встанет. Он встал. Мы очень медленно выходили. Оркестр был уже на сцене. Славик взял его скрипку, мы помогли ему выйти на сцену. За день до этого возник вопрос: Олег не мог стоять. Я предложил воспользоваться контрабасовым стулом с высокой спинкой, попросил найти и другой такой же стул, для себя.

Олег очень любил первое tutti, говорил, что это лучшие страницы. Я дирижировал, посмотрел на Олега, – он сидел с закрытыми глазами. За четыре такта до нашего вступления – мы вступаем одновременно, в унисон, – я сказал ему: "Олег!" А он, не открывая глаз, тут же ответил: "Я здесь". Потом мы начали играть, это было очень непросто. Его скелет к тому времени изменился, он стал маленьким, это не могло не сказаться на руках... Началась вторая часть, которая прошла вся на десять рипа, этого никогда нельзя будет повторить, ни с кем. Совершенно незабываемое ощущение, другое измерение этого шедевра. Были фразы, которые передавали его состояние. В финале все боятся последнего пассажа – и скрипачи, и альтисты, играющие его по очереди. Это последняя точка, практически получается соревнование. Врачи сказали потом, что жизненные показатели были на нуле, силы на исходе. Они сидели в первом ряду наготове. И вдруг этот пассаж он играет в десятку! Точно, абсолютно чисто и ставит такую достойную точку... Вторая часть и этот пассаж стоили, может быть, всей жизни, чтобы так сыграть".

В 1972 году С.Т.Рихтер записал в своем дневнике: "У Олега Кагана врожденное понимание Моцарта, и я почти уверен, что в ближайшем будущем нам предстоит объединиться с ним в этом чуде музыки".

Мгновенно уловив в Олеге ма-

жаровское начало, Маэстро много играл с ним, они стали уникальным в мире дуэтом; Олег боготворил Святослава Теофиловича, восхищался им, а для Маэстро стал неисчерпаемым источником радости взаимопонимания, музыкального, творческого, человеческого, праздником его жизни. 11 ноября 1995 года после прослушивания записи с концерта в Большом зале Московской консерватории в 1978 году, программа которого состояла из четырех сонат Хиндемита для скрипки и фортепиано, Святослав Теофилович пишет: "Эта кассета, какой сюрприз, какая радость! С первых же звуков я был совершенно захвачен этой музыкой, которую совсем забыл. И какая свежесть и виртуозность в исполнении! Какой великолепный скрипач Олег! Мне кажется, можно разрешить выпустить диск... Мы играли эти сонаты всего четыре раза. Потом мы их больше не играли. Почему так? Просто потому, что были другие концерты и другие программы. И потому, что Олег оставил этот мир".

Однажды я спросила Святослава Теофиловича, что же для него главное в игре Олега. Он не задумываясь ответил: "Ну конечно же, поэтичность". Поэтическое отношение к миру во всех его проявлениях, пусть и самых жестких и безжалостных, никогда не оставляло ни Рихтера, ни Олега – ни на сцене, ни в дороге, ни за книгой, ни в несчастье, ни за веселым столом. Их объединяло неприятие обыденности, они угадывали за ней неведомый нам ход вещей, творили его, преобразовали, проникали в суть.

Какой чудесный сплав музыки, игры Олега, его образа ощущал Маэстро, когда писал: "Начать с того, что это мой любимый ми-мажорный концерт, элегантный, радостный, триумфальный в первой части. Вторая – это одно из откровений Баха; в то время как третья не исключает предположения, что композитор не пренебрегал шампанским" (23.06.1978 г.).

Немного раньше, снова о ми-мажоре, 25.03.1978 г.: "Бах. Концерт ми-мажор. Олег Каган. Юрий Николаевский. Я обожаю этот концерт и я был так счастлив присутствовать на нем и из-за самого произведения, и из-за его исполнения. Я решил играть его в фортепианном изложении".

И снова про Олега и любимую тональность, 27.06.1980 г.: "Бах не нуждается в похвалах, и Олег абсолютно на своем месте. У него ми-мажор в крови, он купается в этой тональности, для своего и нашего удовольствия".

В жизни каждого из родных, друзей, учеников Олег сделал что-то определяющее важное, нужное именно этому человеку. Он брал на себя ответственность давать важные советы, приносил лекарства, лечил, навещал, заставлял писать

Фото В.К.СЕРБЕЯ

О.Каган

книги, которые потом имели успех, страстно уговаривал прочитать, послушать, посмотреть. Вдвоем с Наталией Гутман играл "в оркестре", аккомпанируя детишкам во время Посадских фестивалей (не каждое довелось играть с таким оркестром!), встречал, отвозил, праздновал, дарил что-нибудь необыкновенное, своего времени не жалел, радовался каждому новому таланту, верил в него, возвышал, неся рассказы о нем повсюду.

– Что же было основным в Олеге-человеке? – спросила я близкого друга Олега – Юрия Башмета.

– Основное человеческое качество Олега – это то, что называется порядочностью. Она выражалась в невероятной деликатности – даже стеснительности, – тактичности, скромности, что как раз и свойственно большому таланту. В то же время был взрывчатый, с бойцовскими качествами, и немалыми. Высокого духа в поведении, жизненной позиции. Он был очень сильным человеком, невероятно сильным. И по-человечески, и в музыке; он всегда оставался Олегом Каганом, и в этом его невероятная сила, его та-

лант, его дарование. Он был совершенно неповторимым музыкантом. И ансамблевым тоже. А это вообще высший показатель музыканта. Нужно иметь особые музыкантские и человеческие качества для того, чтобы, не теряя самого себя, быть джентльменом в общении с коллегами. Мои личные ощущения: музицируя с ним, самое ценное, что я для себя определил, это какая-то невероятная способность его души освобождать меня самого. Я мог совершенно не стесняясь выражать самого себя при игре с ним".

Концерты, которые давал в ансамбле с Олегом известный и в России замечательный кларнетист, солист, педагог, энтузиаст, мастер ансамбля Эдуард Бруннер, он называет "звездными часами" своей жизни: "Как в тот последний раз, – вспоминает он, – когда за несколько дней до его смерти мы играли в Кройте кларнетовый Квинтет Моцарта. С тех пор я скучаю по Олегу не только как по очень любимому и уважаемому другу, но и как по гениальному скрипачу и музыканту рядом со мной".

С особой нежностью и почти-

тельностью относятся к имени Олега Кагана в Финляндии, где он в девятнадцать лет стал победителем Первого Международного конкурса скрипачей имени Яна Сибелиуса, благословив своим именем это знаменитое теперь состязание. Олег играл в Финляндии с оркестрами, соло, в ансамбле. Но самое большое удовольствие получал от участия в фестивале камерной музыки в Кухмо, с его совершенно своеобразным духом свободного камерного музицирования на самом высоком профессиональном уровне. Кухмо, небольшой городок среди лесов и озер, притягивает к себе известных музыкантов из многих стран; туда съезжаются слушатели из всей Финляндии. И две июльские недели звучит в деревянных домиках (так это начиналось!) камерная музыка, от классики до современной, самой-самой.

В Кухмо и раньше бывали большие артисты, но Наташа и Олег привнесли некоторое новое измерение, о котором я даже не подозревал, – пишет художественный руководитель фестиваля в Кухмо Сеппо Киманен, – <...> Олег рабо-

тал непрерывно, не различая дня и ночи. И в то же время выглядел радостным, ясным, даже счастливым. Он был одинаково дружелюбным и внимательным со всеми без исключения. При встрече с ним ощущалось что-то вроде теплого духовного объятия, и это чувство возникало всегда. И в концертном зале, и в обычном общении".

Истинный праздник музыки и музыкантов, фестиваль в Кухмо требовал в то же время полной отдачи всего себя и своего времени. Согласно традиции музыкального марафона, завершающего все фестивали, его участники сменяли друг друга на сцене с утра и до утра, и никто не хотел играть поздней ночью. "Однажды окончание такого музыкального марафона затянулось до бесконечности. Олегу пришлось ждать несколько часов. В два часа ночи он сказал, что пойдет заниматься, и попросил, чтобы за ним пришли, когда наступит его очередь. Около четырех утра его позвали на сцену. Он тигром ринулся туда и поразил заснувшую было публику, словно электрическим разрядом, своим невероятным мастерством. <...> Это стало не только незабываемым музыкальным переживанием, но и одной из кульминаций всего моего жизненного пути.

<...> Харизма, которую Олег излучал на сцене, находилась в полном противоречии с обликом волнующегося за кулисами человека. Мне часто приходилось почти вытаскивать его на сцену, когда "сценическая лихорадка" овладевала настроением на высокий полет музыкантом. Никогда – даже после замечательного выступления – я не видел, чтобы он был очень доволен собой. Порой казалось, что если спросить у него, то окажется, что всю жизнь он играл только неудачно.

Думаю, Олег носил в сердце некий идеал, к которому все время стремился. Поэтому он не позволял внешнему успеху или вкусам публики влиять на себя. Он неподкупно искал истину <...> Существующие записи говорят о том, что, несмотря на безвременный уход, он достиг таких вершин, до каких в истории музыки поднимались лишь немногие".

Как же все любили его, если и сейчас, спустя десять с лишним лет после его ухода, каждый глагол в прошедшем времени – "был", "играл", "смеялся", "жил" – бьет по голове, как отчаянный звон колокола... И снится, и где-то витеает. И как бы он жил в нынешние времена? И может быть, хоть немножко влиял бы на них – он часто говорил, что искусство не терпит никакого стороннего вмешательства. Борис Евгеньевич Кузнецов, вышедший его из Риги чуть ли не насильно – Зинаида Михайловна помнит запанные слезами страницы писем сына, – не в состоянии терпеть, что-

бы такой мальчик не поступил учиться в Московскую ЦМШ, – его Олег почитал своим главным учителем; потом Давид Федорович Ойстрах, к которому Кузнецов же и заставил поступить Олега. Жизнь, прожитая бок о бок с такими артистами, художниками, музыкантами.

– Что касается сегодняшнего дня – такого грустного юбилея, – говорит Юрий Башмет, – то у меня есть интересное наблюдение. Уже были потери. Когда уходит близкий человек, вместе с ним уходит какая-то часть тебя. С Олегом ушла очень хорошая часть. И в душе воцаряется анархия. Надо, чтобы душа взрастала в себе замену и заполнила потерю чем-то хорошим. Потому что пусто не бывает. Не проходит дня, чтобы я не вспомнил Олега, не представил бы себе, что бы он сказал, сделал. Все время думаешь: вот сейчас он бы обрадовался, здесь он бы сыграл так, как надо. Просто даже хочется посоветоваться с ним. Он же невероятно умел слушать, включаться, думать за тебя, иногда даже в ущерб себе. Он был высокого духа человек.

Боль от этого ужасного события не утихает, не уходит со временем. Олег все время существует. Ужасно без него. Но я должен сказать, что, как это ни парадоксально, сегодня есть и какие-то радостные, светлые моменты, связанные с Олегом. Благодаря выпуску серии дисков Олега он не оказался в забвении, как это часто бывает. И не только записи. Это и Кройтовский фестиваль, и дети – все скрипачи, и посвященные ему концерты, и вся наша компания его друзей, которая была, когда мы вместе играли, фестиваль "Декабрьские вечера".

Но самый большой акцент мне бы хотелось сделать вот на чем: Олега не стало. И что сейчас происходит? Присутствие его духа многое определяет. Когда что-то вдруг проскочит недостойное в музыке, думаешь: Олег бы тут, конечно, взорвался. Настолько сильно это – его невероятное чувство, вкус и обаятельная им беспощадная война с серостью исполнения, с "мелкофортисмом", – что, пока мы живы, он есть, он живет.

Валентина ЧЕМБЕРДЖИ

P.S. В статье цитируются в сокращенном виде следующие материалы: "Дневники" Святослава Рихтера (Б.Монсенжон, "Рихтер. Дневники, беседы", 1998, Арте; в обратном переводе с французского языка); интервью Юрия Башмета от 23 октября 2000 года; "Воспоминания" Эдуарда Бруннера (пер. с немецкого); и статья Сеппо Киманена "Олег Каган – человек, музыкант, виртуоз", "Кайнун Саномат" от 26.07.2000 г., перевод с финского Элеоноры Йоффе.